

Нидерланды

Привет!

Спасибо тебе за такой прекрасный фонарик: ваше окно теперь хорошо заметно и выглядит очень уютным.

А я сейчас сижу на скамейке в Амстердаме, около замерзшего канала, и пытаюсь перевести дух после моего приключения. Вот уж не думал, что управлять волшебным самолетом так опасно! Вчера я решил полетать наперегонки с птицами, и так сильно разогнался, что не справился с управлением и залетел в большое облако! Самолетик перевернулся в воздухе, я вылетел из кабины и потерял сознание...

Когда я очнулся, то увидел, что лежу внутри яркого спасательного круга. Вокруг разбросаны какие-то коробки, мешки и свертки, а среди них — маленькие круглые печенья. Куда же я попал? И где мой самолетик?.. Прямо передо мной возвышалась большая труба, из которой валил дым. Сомнений не было — это какой-то корабль. Повсюду слышались громкие голоса: кто-то смеялся и пел песни.

Я подумал, что хорошо бы мне где-нибудь спрятаться, но не успел — вся палуба заполнилась людьми в ярких одеждах с белыми кружевными воротниками.

Их камзолы были необыкновенных расцветок — оранжево-красными, зелеными в желтую полоску и фиолетовыми в белый горошек. А на головах забавно топорщились береты, с которых свисали разноцветные перья. Но главное, что у всех людей лица были черного цвета! Один из них подошел ко мне и заговорил, совершенно

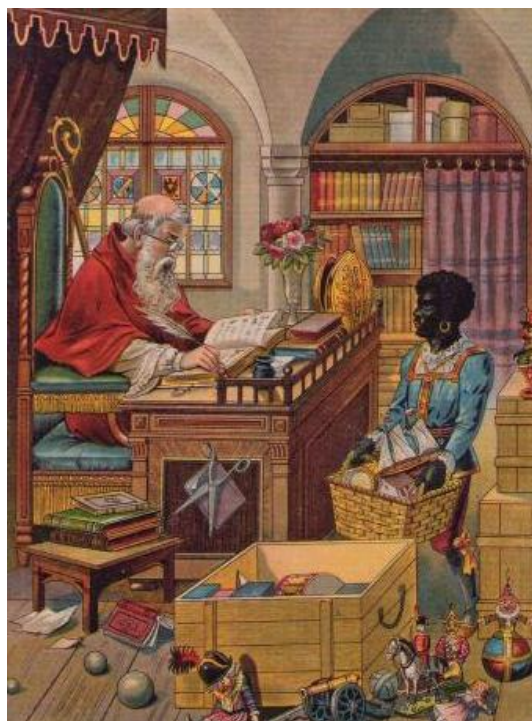
не удивившись тому, откуда я взялся у них на палубе:

— Добрый день! Я — Черный Пит, приветствую вас на корабле Синтерклааса.

— Здравствуйте, — пролепетал я, — а кто такой Синтерклаас? И не будет ли он ругать меня за то, что я оказался без разрешения на его корабле?

Черный Пит громко засмеялся и объяснил мне, что Синтерклаас каждый год приносит голландским детям подарки. Только делает он это не на Новый год, а в свой собственный день — 5 декабря. И помогают ему как раз Черные Питы — вот эти люди в ярких одеждах. Без них бы Синтерклаас не справился.

— Мы помогаем изготовить и упаковать подарки, потом грузим их на корабль и доставляем из Испании (где живем круглый год во дворце Синтерклааса) в Нидерланды, а потом разносим их голландским детям. А еще Синтерклаас любит скакать на коне по крышам и разносить детям сладости. Да только по трубам лазить ему тяжело, приходится ему помогать. Работы полно!

Даже от сажи отмыться времени нет, — сказал Черный Пит и подмигнул мне.

Я был так рад! Дальше можно было никуда не лететь. Сейчас я увижу Синтерклааса и расскажу ему, как я мечтал о подарке. Пусть он приносит их не на Новый год, это и не важно. К тому же ему наверняка совсем не сложно помочь мне найти мой самолетик. Какая удача, что из-за утреннего тумана я оказался на этом волшебном корабле. Сейчас! Сейчас я его увижу!

— Где же Синтерклаас? — спросил я, подпрыгивая от нетерпения, — мне так нужно с ним поговорить!

— Ох, придется тебе немного подождать, — лицо у Черного Пита сразу сделалось серьезным. — Два дня назад мы обнаружили, что потерялась наша главная книга. Пришлось Синтерклаасу отправиться на ее поиски. Надеюсь, что у нас ее не похитили, а просто Пит-растеряша забыл ее там, где покупали уголь для нашего парохода.

— А что это за книга? — спросил я у Пита. — Что в ней написано?

— О, это очень важная книга! В ней записано все-все про голландских детей — как их зовут, как они себя ведут в течение года, много ли шалили и хулиганили, что хотят получить в подарок. Без нее нам никак нельзя появляться в Нидерландах.

— Неужели те дети, которые шалили, подарка не получают?

— Такое редко бывает. То ли сейчас дети мало шалют, то ли наш Синтерклаас хорошо помнит свое детство и прощает детям их шалости... А многие до сих пор уверены, что плохих детей мы складываем в мешок и Синтерклаас забирает их с собой в Испанию. Ладно, я пойду дальше подарки заворачивать. А то, когда мы приплывем в Амстердам, будет уже не до этого. Все дети выйдут нас встречать,

будет парад и праздник. А потом несколько недель работы: пока на всех крышах побываешь, во все трубы залезешь... — Черный Пит почесал за ухом и вдруг спросил:

— Послушай-ка, а как ты оказался на нашем корабле?

— Летел на бумажном самолете и потерял управление. Я упал к вам на палубу, а самолетик исчез: наверное, утонул в море. Не представляю, как мне теперь быть?

— Что ж ты сразу не сказал, мы тебе сейчас поможем! Черные Питы разбрелись по палубе: они заглядывали во все щели, искали за якорем, смотрели в больших корзинах с подарками, Пит-матрос даже залез на трубу и принялся сверху высматривать, не видно ли самолета.

— Не переживай, я сейчас сложу тебе новый, — сказал Пит — упаковщик подарков, — у меня как раз осталась красивая бумага.

Но тут откуда-то из-под бочек на корме корабля вынырнул очень довольный Пит-кок:

— Смотрите, вот он! Немного помятый, но совершенно целый.

И действительно, у него в руках был мой бедный самолетик! Я забрался в него и увидел, что все рычаги на месте и ничего не пострадало. Да, прав был старый волшебник, когда говорил мне, что самолетик очень крепкий.

— Большое вам спасибо! — сказал я Питам. — Кажется, с моим самолетом все в порядке, теперь только нужно дождаться попутного ветра, и я смогу лететь дальше. А пока...

Пит-техник меня перебил:

— А зачем ждать? Мы сейчас же тебе устроим попутный ветер!

И вдруг все-все Черные Питы столпились вокруг меня и начали дуть на самолет. Я закричал: «Подождите... мне же нужно... Синтерклаас...» — но они меня не слышали. Сильный ветер подхватил мой самолетик и поднял его в небо.

И минуты не прошло, а корабль остался уже далеко внизу. «Стойте! — крикнул я Питам. — Я же хотел увидеть Синтерклааса», — но было так шумно, что я сам не слышал своего голоса. Питы стояли на палубе и махали на прощание беретами. Кто-то кричал мне: «Счастливого пути!» Как же я расстроился! И Синтерклааса не дождался, и самолетом больше управлять не мог: он мчался с огромной скоростью и меня не слушался. Я летел целую вечность.

Стемнело, рассвело и снова стемнело. С моря поднялся туман, и я потерял всякую надежду приземлиться, когда вдруг самолет задел за небольшую кирпичную трубу. Спасение! Я успел ухватиться за нее обеими руками, и наш полет наконец-то прекратился. Уф!

Я слез с самолета и привязал его к антенне. Все, что я хотел, — это полежать и отдохнуть. И не думать больше ни о каких полетах. Я подергал веревку — крепко привязано, — сделал шаг назад и... провалился в трубу.

Какое все черное и пыльное! А-а-апчхи! Я чихал и чихал и не мог остановиться. Нос чесался, в глазах что-то кололо, а в ушах было полно золы.

Когда я немного отдышался, то заметил, что лежу в камине — хорошо еще, что огонь в нем не горел и вокруг никого не было. Зато прямо перед моим носом стояли два разных ботинка. Из каждого свисал зеленый хвостик. Я подошел и заглянул внутрь: там лежала бумажка, немного сена и настоящая морковь.

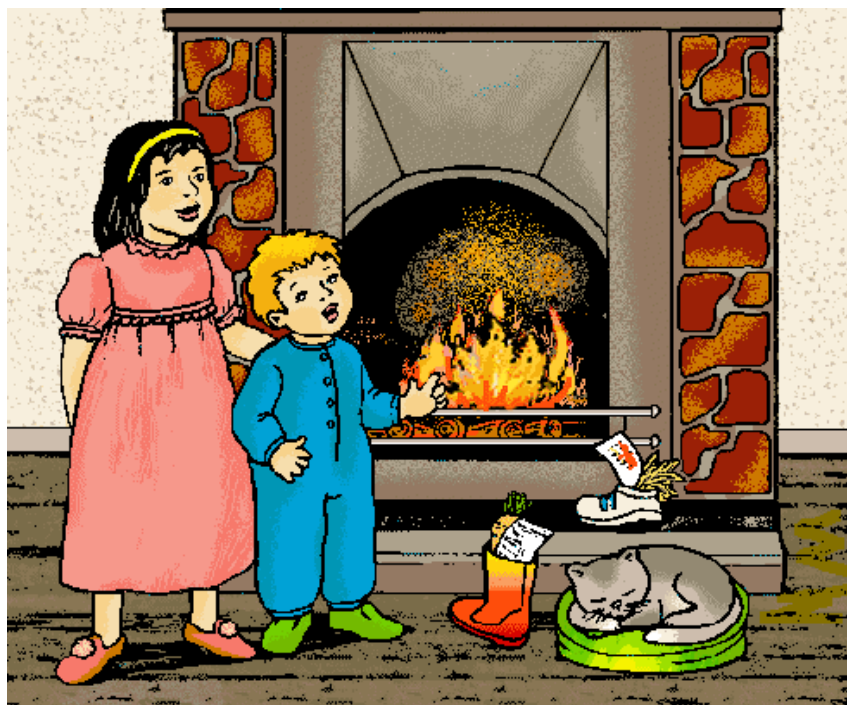
И вдруг послышались шаги. Я отбежал вглубь камина и спрятался в углу, понадеявшись, что меня, такого пыльного и грязного, никто не разглядит.

В гостиную вбежали мальчик и девочка. Они немного потолкались перед камином, а потом девочка сказала:

— Надо было все-таки сапог поставить, а не ботинок.

— Почему это? — спросил у нее брат.

— В сапог бы морковка побольше поместилась! А это какая-то крошечная. Она скорее для кролика годится, а не для лошади.

Не успел я подумать, при чем здесь лошадь, как дети запели какую-то веселую песенку. Я очень боялся, что они меня заметят, но они всё пели, и песня была бесконечной. Наконец, пришла их мама и сказала, что пора идти спать. В доме стало совсем тихо. Я хотел выбраться из камина и по водосточной трубе забраться на крышу к своему самолету, но вдруг послышался какой-то стран-

ный шум. Было похоже, что по крыше кто-то ходит, причем не один. Мне даже почудилось, что я услышал лошадиное ржание. Я очень испугался: а вдруг сейчас тот, кто ходит по крыше, заметит мой самолет? Как я потом улечу отсюда? Скорее! Нужно подняться на крышу!

И тут мне на голову посыпалась сажа, и только я успел отскочить в сторону, как из каминной трубы вылез Черный Пит! Стараясь двигаться бесшумно и не замечая меня, он взял морковки и засунул их себе в мешок, а сам достал горсть маленьких печенек — такие же я видел на корабле — и рассыпал их вокруг. А в ботинки он аккуратно вставил большие шоколадные буквы «И» и «В».

Снаружи снова слышался топот, и я, вспомнив о самолете, заметался по комнате. Где же выход? Заметив щель под дверью, я скользнул туда и понял, что очутился в спальне: брат с сестрой крепко спали, а на столе мягким светом горел ночник. Я вернулся в гостиную и, перебравшись через высокий порог, выбрался наконец на улицу. Было тихо и безветренно, и только с крыши падали хлопья снега. Я поднял голову и остолбенел: около

трубы стоял настоящий белый конь. Он махал длинным хвостом и с наслаждением жевал морковку. Рядом с ним возвышался мешок, доверху наполненный морковками, и конь не спускал с них глаз.

Но главное не это.

На крыше стоял необыкновенный человек! Я сразу понял, что это Синтерклаас. Он был одет в красивую красную мантию, а на голове у него была красная митра. В одной руке он держал большой золотистый посох, а в другой —

открытую книгу, в которой внимательно что-то искал.

И только я хотел окрикнуть его, как Черный Пит вылез из трубы, взвалил на плечо мешок с морковками, Синтерклаас захлопнул книгу, и они вместе сели на коня и поскакали дальше. Все это случилось в считанные секунды — раз! — и только снег полетел из-под копыт.

А я еще долго стоял в саду и смотрел на опустевшую крышу, а потом вернулся в дом, нашел в гостиной укромный уголок и заснул.

Как же были довольны дети с утра: «Ура, Синтерклаас снова проскакал сегодня по нашей крыше! Черные Питы забрали морковку для Америго!» — кричали они. Мальчик посмотрел в маленький календарик. В нем было отмечено, в какие дни Синтерклаас должен приезжать к их дому и заглядывать в трубу. «Ну вот, — надулся он, — это был последний раз в этом году, когда к нам приходил Синтерклаас. Ирма, как бы я хотел каждый день кормить лошадку морковкой... Я могу и две, и три положить в ботинок».

Его сестра засмеялась: «Ну тогда Америго лопнет, и придется Синтерклаасу ходить пешком. Ты не расстраивайся, завтра же 5 декабря! И Синтерклаас принесет нам подарки, помнишь?»

Я уже хотел лететь дальше, но, услышав слова Ирмы, решил остаться. Уж завтра я обязательно встречу с Синтерклаасом, чего бы это мне ни стоило!

Утром 5 декабря семья Ирмы и Виллема собралась в гостиной. Я думал, что Черные Питы снова залезут в каминную трубу, и не спускал глаз с камина, но на этот раз они громко и внушительно постучали в дверь. «Это он! Это Синтерклаас!» — и дети бросились наперегонки к двери. На пороге стоял огромный мешок с подарками. А где-то вдалеке слышалось лошадиное ржание. Я залез на крышу, отвязал самолет и помчался вслед.

Но сколько я ни старался, настичь скачущего Америго так и не смог. Скоро стало понятно, что гнаться больше нет смысла, и я приземлился на скамейку около замерзшего канала. Люди катаются на коньках, дети бегают наперегонки, а я сижу и пишу тебе письмо.

Твой неудачливый Вилли